

«Эмиграция дала возможность созерцать прежнюю Россию»

© 17/8/2015 (17/8/2015)

👁 1000

👤 Андрей Кравцов

(<http://www.unification.com.au/upload/articles/2917/rq49vVt4.jpg>)

Б. К. Зайцев. Портрет работы Н. Андреева. 1923 г.

(</upload/articles/2917/000313.jpg>)

Русский писатель Борис Зайцев, написавший свои лучшие произведения уже во Франции, полагал, что именно эмиграция дала ему возможность созерцать издали ту прежнюю Россию, Россию его детства и юности, «а еще далее в глубь времени – Россию “святой Руси”, которую без страдания революции может быть не увидел бы никогда». Вместе с тем, своим лучшим произведением доэмигрантского периода он называл роман «Дальний край».

В этом году исполняется 100 лет со дня выхода этого романа в виде отдельной книги. Почему автор дал ему такое название? Поначалу он

намеревался назвать его «Друзья», затем – «Далекий край» и, наконец, «Дальний край». Отчасти, пророческое название. Зайцев, конечно, не мог предполагать, что всего через семь лет после выхода книги вся Россия станет для него «дальним краем». Настолько дальним, что уехав на лечение в 1922 г., он в нее уже никогда не вернется.

«Дальний край» – это история молодых людей, чья юность, взросление и первые шаги проходят на фоне назревающей общественной катастрофы, первой русской революции. Книга читается не так быстро, не на едином дыхании, нить событий иногда ускользает в хитросплетениях судеб героев (Петя, Степа, Алеша), общность которых сливается в нечто единое характерное для всей эпохи. Происходит как бы смешение душ в единый микрокосмос, в котором предстоит разобраться читателю. Автор принимал участие в манифестациях и «беспорядках» революции 1905 года, будучи студентом Горного института, так что пишет со знанием дела. Его личные впечатления тех лет нашли свое отражение в двух книгах – «Дальнем крае» и автобиографической тетралогии «Путешествие Глеба».

После 1922 года он, оказавшись выброшенным из русской усадьбы, в которой рос, из страны, в которой стал писателем, из русской литературы, в которую полноправно вошел как классик, на родине больше не печатался и не упоминался. А если и вспоминался, то как автор, героям которого «характерна тепличная утонченность суженного и изломанного, почти больного восприятия, ребячливо проглядывающего мировые исторические сдвиги, как нечто малоценное для вечности и для возвышенной «настоящей» жизни тщедушных вырожденков захолустного барства». Так отзывалась о нем Советская энциклопедия 1930 года, но кто ей верил?

Мое знакомство с писателем Борисом Константиновичем Зайцевым (1881-1972) состоялось, как ни удивительно, в Австралии. Часто бывая в домах русских эмигрантов из Китая, Болгарии, Сербии, других стран, неизменно встречаю на книжных полках его книги в светлой картонной обложке. Почти всегда они выходили в таком виде, почти все были опубликованы в Париже и разошлись по миру, обитая теперь почти в каждом австралийском доме старой эмиграции. Зная о моей работе по поиску книг для Российской Государственной Библиотеки, мне очень часто предлагают эти книги Б.Зайцева.

К радости почитателей его творчества недавно все написанное Б.Зайцевым, включая его письма и публикации в периодике, было переиздано в Москве внушительным собранием в 11 полновесных томов. К сожалению, этих фолиантов пока что нет в библиотеках Австралии, но зато здесь остались вот эти маленькие внешне бледные, но такие блистательные и яркие внутри, издания русского зарубежья классика русской литературы XX века.

Почему же его книг так много в домах русских эмигрантов всех волн рассеяния? Ответ, как мне кажется, в том, что Зайцев, продолжая традицию русского литературного реализма, явился в то же время прямым художественным «наследником» Ивана Сергеевича Тургенева (1818-1883). Тургеневское в Зайцеве заметно, прежде всего, в отсутствии стремительного сюжета, созерцательности и пассивности героев. Как он писал в своей статье «О Тургеневе» (1923), его любимые тургеневские герои «мало кузнецы, но никогда и не наглецы. Они в стороне от жизненных большаков, где орудут люди с волчьими зубами». Для него прелесть Тургенева-художника в «естественности, в том неизменно приятном и радостном ощущении, какое от него остается». А ведь совершенно тоже самое можно сказать и о многих героях книг Б.Зайцева. Более того, Зайцев и Тургенев настолько схожи фактами своих биографий, что я даже назвал бы их «литературными близнецами».

Оба родились в Орле (в России), а умерли в эмиграции – во Франции.

Правда, познакомиться им не удалось – Тургенев умер, когда Зайцеву было всего два года. Но позднее в Париже Зайцев познакомился с внучкой Тургенева, в России никогда не бывавшей – Жанной Брюэр-Тургеневой. Тургенев начинал учебу в Москве, а окончил в Петербурге. Зайцев сначала учился в Петербурге, но потом перевелся в Москву. Первая публикация Зайцева – рассказ «В дороге», Тургенева – рецензия книги «О путешествии к святым местам». Оба они оказываются в тюремном заключении за свою литературную деятельность, правда, слава Богу, на короткое время. Тургенев – за некролог памяти Н.В. Гоголя, Зайцев – за активную деятельность в Московском отделении Всероссийского союза писателей. Именно в заключении Тургенев пишет «Муму» – книгу о своих детских переживаниях в несправедливом взрослом мире. Зайцев же пишет «Аграфену», «Авдотью-смерть», «Спокойствие» и много еще подобного, надрывного и почти смертельно-безысходного, похожего на тургеневскую книгу. Эти рассказы о России трагической, «терзающей и терзаемой», уникальны для его творчества по мрачному колориту, жесткому письму, обилию страшных и жестоких сцен, как уникальна «Муму» для творчества Тургенева. В 1932 г. Зайцев тоже напишет о своем Муму – не столь известную и не столь крупную, но тоже о детских воспоминаниях и первых впечатлениях от соприкосновения с миром взрослых – очерк «Казнь» про «бродяжного» щенка, которого тащит к реке калужский городской.

Оба они – и Тургенев и Зайцев – были страстными охотниками, что нашло отражение в «Записках охотника» Тургенева и многочисленных повестях и рассказах Зайцева. Но кто в те времена необыкновенного обилия дичи в русских лесах не был охотником? Правда, у обоих писателей охота принимает оттенок взаимоотношений с природой, самовыражения в соперничестве с диким, буйным, а не просто смертоубийство без цели. Как пишет Зайцев, «охотничья страсть очень сильна. Ей подвержены и малые, и великие. Отчаянные охотники были Толстой и Тургенев...»

Осознавая свое сходство с Тургеневым Зайцев пишет в 1930-е гг. беллетризованную биографию «Жизнь Тургенева», наряду с книгами о Жуковском и Чехове. С Чеховым он был знаком лично, Жуковским восторгался, Тургенева воспринимал как родственника, понятно и привычно. И если Тургенев был признан французской и мировой литературой, дружил с Флобером, Додэ, Золя, посещал их литературные вечера, то подобное признание ожидало и Зайцева. В особенности, благодаря его многочисленным переводам на другие языки и выдвижению в 1962 году на Нобелевскую премию по литературе. Один из первых переводов его «Дальнего края» был сделан на японский язык. Скорее всего, японский переводчик увидел в Зайцеве литературную реинкарнацию столь почитаемого и любимого в Японии Тургенева, книги которого там до сих пор издаются. Зайцев написал свои лучшие книги в эмиграции и теперь он вернулся на родину, чтобы спустя десятилетия поделиться с нами своим созерцанием прежней России.